

DOI 10.35775/PSI.2025.118.6.024

УДК 32.327

ГАТТО ВИРДЖИНИЯ МОРЕНА

магистр международной безопасности

Университет UNINT, Италия, г. Рим

E-mail: virginiagatto98@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0004-5020-8173>

РОССИЙСКАЯ МЯГКАЯ СИЛА: СТРАТЕГИИ, ИНСТРУМЕНТЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ

В статье анализируется российская модель мягкой силы как альтернатива западным стратегиям влияния. В отличие от универсалистского подхода, российская концепция опирается на идеи суверенитета, многополярности и противодействия гегемонии Запада. Автор прослеживает эволюцию понятия с 2000-х годов, выделяя цели: формирование имиджа, укрепление союзов и расширение геополитического присутствия. Рассматриваются ключевые инструменты: религиозная дипломатия (РПЦ), культурная политика («Россотрудничество», фонд «Русский мир») и зарубежные медиаресурсы. Отдельно анализируется африканский кейс, где применяются антиколониальный дискурс, образовательные инициативы и политическая поддержка. Российская мягкая сила представлена как гибкий, но контекстуально зависимый инструмент. В заключение подчеркивается, что несмотря на вызовы, она формирует значимую альтернативу в условиях глобальной трансформации.

Ключевые слова: мягкая сила, Россия, внешняя политика, Африка, культурная дипломатия, СМИ, религия, международные отношения.

Мягкая сила по-русски: инструменты, цели и границы влияния.
Введение: что такое мягкая сила? Понятие «мягкая сила» было введено Джозефом Найем в конце 1980-х годов для обозначения способности государства влиять на других через привлекательность, а не принуждение или оплату. В отличие от «жесткой силы», опирающейся на армию или санкции, мягкая сила исходит из культуры, ценностей и внешней политики, формируя восхищение, легитимность и согласие международной аудитории [13. С. 5-8].

В XXI веке она стала важной частью государственной стратегии, особенно для стран, стремящихся к глобальному влиянию без открытой конфронтации. Россия в этом контексте занимает особое место: адаптируя западную концепцию под собственные цели, она продвигает альтернативную модель, основанную на суверенитете, идентичности и идеологической самостоятельности.

Принятие Россией концепции мягкой силы в 2000-х годах: первые шаги. Начало XXI века стало поворотным моментом во внешней политике России. После нестабильности 1990-х годов началась консолидация власти под руководством Владимира Путина и курс на восстановление влияния как в постсоветском

регионе, так и за его пределами. Тогда руководство осознало стратегическую значимость мягкой силы как ответ на расширение НАТО и продвижение демократии со стороны Запада.

На первом этапе развитие российской мягкой силы опиралось на западные концепции, прежде всего на теорию Дж. Ная, акцентирующую язык, культуру и историческую память. При отсутствии единой доктрины за рубежное продвижение имиджа отвечали различные государственные и негосударственные акторы. С 2005 года важной платформой стал Петербургский международный экономический форум, наряду с Франко-российским диалогом (с 2004 г.). Особое значение приобрел форум «Диалог цивилизаций», созданный в 2002 году В. Якуниным, Д. Капуром и Н. Папаниколау как альтернатива однополярному порядку. Родосский форум обеспечил проекту институциональное признание, объединив экспертов и деятелей культуры в рамках цивилизационного подхода [2. С. 118-145].

Хотя формально форум был независимым, его тематика – критика универсализма, защита суверенитета и культурного разнообразия – соответствовала внешнеполитическим приоритетам России. Через подобные дискуссии Москва стремилась утвердиться как носитель традиционных ценностей и актор глобальной многополярности.

В 2007 году президент Путин на Мюнхенской конференции признал значение мягкой силы, критикуя ее западную интерпретацию и заявляя о намерении выстраивать собственную модель. Тогда же был создан фонд «Русский мир» – первый полноценный институциональный инструмент российской мягкой силы, ориентированный на русскоязычную диаспору и формирование единой цивилизационной идентичности. По образцу Гете-института и «Альянс Франсез» он продвигал русский язык и культуру за рубежом.

Параллельно была реформирована структура Россотрудничества – агентства, действующего под эгидой МИД, что подчеркивало интеграцию культурной дипломатии в стратегию внешней политики [3].

Эволюция концепции мягкой силы в России. В отличие от западной модели, акцентирующей универсальность либерально-демократических ценностей, российская концепция мягкой силы в 2010-х годах сместилась в сторону идеологического противостояния – это стал второй этап ее развития. Она оформилась как самостоятельная модель, основанная на консервативных ценностях, культурном суверенитете, идее многополярности и противодействию западной гегемонии. Россия выступала защитником традиционных норм, семьи и православия, выстраивая нарратив в созвучии с популистскими и националистическими движениями в Европе и Глобальном Юге [6. С. 63-75].

Пиком этого этапа стали XXII зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 году, ставшие не только политическим успехом Кремля, но и проявлением реальной мягкой силы, продемонстрировавшей достижения России миллионам зрителей по всему миру [14. С. 23-29].

После присоединения Крыма и ухудшения отношений с Западом мягкая сила превратилась в инструмент идеологической борьбы. СМИ, такие как RT и Sputnik, активно распространяли пророссийские нарративы, апеллируя к разочарованным аудиториям в либеральных демократиях. Арсенал мягкой силы дополнился связями с радикальными левыми и правыми движениями, православными сетями и панславянскими группами. Концепция «Русского мира» вышла за рамки культурной сферы, приобретя геополитическое измерение и служа обоснованием вмешательства и защиты русскоязычного населения за рубежом.

Микротаргетинг. Одним из ключевых отличий российской мягкой силы от западной является выбор целевой аудитории. В то время как Запад стремится к универсальному воздействию, Россия строит мягкую силу как оборонительный инструмент – контр-мягкую силу, направленную на сопротивление западному культурному и идеологическому влиянию. Вместо массового воздействия применяется микротаргетинг – точечная стратегия, заимствованная из маркетинга и политики, адаптирующая послания под конкретные группы по демографическим и психологическим характеристикам. С усилением социальных сетей этот подход стал важной частью внешнеполитического инструментария России. Российская модель формирует нарративы для аудиторий, восприимчивых к мировоззрению Москвы. Выделяются четыре направления: апелляция к общим культурным корням, к советскому наследию, к современной российской идеологии и к образу России как влиятельного, пусть и дестабилизирующего, глобального игрока [8].

Если первые две стратегии носят региональный характер, последние две – более универсальны. Особое внимание в данном анализе уделяется третьему направлению, построенному на моральном консерватизме, нелиберальных ценностях и идее «суверенизма». Россия представляет себя как защитника «традиционных семейных ценностей», находя отклик у консервативных кругов в странах Запада, Ближнего Востока и Африки. Противостоя инициатива либеральной повестке по правам женщин и ЛГБТК+, Москва активна в таких организациях, как Всемирный конгресс семей, и развивает связи с Ватиканом, католическими и протестантскими консервативными структурами США, формируя «моралистский интернационал». С этим связана и глобальная тенденция к нелиберальному управлению, включающему усиление исполнительной власти, ограничение судов и СМИ. Подобные модели в Турции, Израиле, Бразилии и на Филиппинах часто рассматриваются как параллельные российскому примеру. Хотя многие лидеры этих стран называют Путина ориентиром, чаще речь идет о внутренних динамиках, а не экспорте российской идеологии.

Третьим важным элементом является «суверенизм» – идея приоритета национального суверенитета над внешним вмешательством, восходящая к французской голлистской традиции. В российском варианте она реализуется на трех уровнях: политическом, экономическом и культурном. В политике это выражается в критике международных институтов, НПО и судов, воспринимаемых как угроза суверенитету. Предлагается модель международных отношений,

основанная на уважении интересов великих держав в их сферах влияния. В экономике суверенизм проявляется в поддержке протекционизма и скепсисе к глобализации – с критикой МВФ, Всемирного банка и либеральных реформ. В культурной сфере акцент делается на сохранении идентичности и исторических ценностей этнокультурного большинства, при условии интеграции других групп в национальное пространство [4. С. 101-108]. Эти идеи формируют внешнеполитическую риторику, акцентирующую независимость, суверенитет и диалог. Россия предлагает альтернативу евроатлантизму – континентальную Европу, основанную на традиционных ценностях и культурной самобытности.

Инструменты российской мягкой силы. Россотрудничество: институционализация культурной дипломатии. Созданное в 2008 году, Россотрудничество стало шагом к институционализации российского культурного присутствия за рубежом. Хотя его официальная миссия – гуманитарное сотрудничество и поддержка русскоязычных сообществ, на практике агентство выполняет двойную функцию: укрепляет влияние в постсоветском пространстве и продвигает идеологическую повестку.

Подобно Британскому Совету или Гете-институту, Россотрудничество действует через сеть из более чем 70 зарубежных представительств, организующих курсы русского языка, выставки, показы фильмов и памятные мероприятия, особенно о Второй мировой войне. Эти инициативы не только культурные, но и политические: они транслируют образ России как цивилизационного лидера и моральной альтернативы Западу.

С назначением Евгения Примакова-младшего в 2020 году агентство получило импульс к обновлению. Примаков, критикуя сам термин «мягкая сила», настаивал на модернизации Россотрудничества, уходе от советской ностальгии и создании современного образа России как самостоятельной цивилизации. Таким образом, Россотрудничество выступает не как нейтральный культурный институт, а как инструмент внешнеполитической стратегии, нацеленный на укрепление лояльности среди диаспоры и симпатизирующих стран, а также на развитие партнерств, основанных на общем идеологическом видении.

Фонд «Русский мир»: формирование нарратива о «Русском мире». Созданный в 2007 году по указу Президента, фонд «Русский мир» выполняет культурную миссию по объединению глобальной русскоязычной диаспоры, совмещающую лингвистические и политические задачи. Несмотря на акцент на образовании и наследии, его проекты часто направлены на укрепление идеологических границ «Русского мира». Эта гибкая и спорная концепция служит идейным ядром российской мягкой силы. Она описывает транснациональное сообщество, основанное на русском языке, православии и общей исторической памяти, особенно о Второй мировой войне. Через «комнаты Русского мира» – культурные пространства при зарубежных университетах и библиотеках – фонд распространяет литературу, исторические интерпретации и медиа-контент. Центры работают как в дружественных странах (Сербия, Беларусь), так и в более чувствительных регионах (Балтия, Украина до 2014 года), где концепция

приобретает напряженный и геополитический характер. После присоединения Крыма она вышла за рамки культурной дипломатии, превратившись в обоснование территориальных притязаний.

Таким образом, «Русский мир» иллюстрирует двойственную природу российской мягкой силы: от продвижения культуры до идеологической легитимации военных действий – в рамках единой парадигмы [10. С. 87-106].

Религиозная дипломатия: Русская православная церковь как транснациональный актор. Русская православная церковь (РПЦ) занимает важное место в системе мягкой силы России. Помимо богословия, она выступает моральным авторитетом и источником легитимации идеологических установок Кремля. Символическим шагом стало воссоединение с Зарубежной церковью в 2007 году при посредничестве Владимира Путина – жест, утвердивший Москву как религиозный центр для русскоязычных верующих во всем мире. РПЦ поддерживает концепцию «Русского мира» и идею России как «Третьего Рима» – защитника христианских ценностей на фоне морального упадка Запада. Она участвует в межрелигиозных диалогах, строит храмы за рубежом (в Сербии, Франции, на Ближнем Востоке) и взаимодействует с антимодернистскими и антилиберальными движениями. Ее риторика отражает ключевые внешнеполитические темы: антиглобализм, традиционная семья, суверенитет.

Таким образом, РПЦ становится не только символом, но и инструментом цивилизационной миссии России, утверждающей себя как духовную альтернативу секулярному Западу [9].

Экспертные сети, аналитические центры и историческая память. Российская мягкая сила формируется не только через культуру и религию, но и через идеи. Значительные ресурсы были направлены на создание таких структур, как клуб «Валдай», Фонд Горчакова и РСМД. Эти центры приглашают зарубежных экспертов, публикуют аналитические материалы и обосновывают внешнеполитический курс России.

Важным направлением стала «дипломатия памяти», связанная с вкладом СССР в победу над нацизмом. Она служит ответом на попытки уравнивать Советский Союз с нацистской Германией. Через памятные мероприятия, музеи и памятники за рубежом Россия продвигает собственную интерпретацию истории.

Однако речь идет не только о прошлом. Тема Второй мировой войны становится инструментом морального самоопределения: акцентируя свою роль в победе над нацизмом, Россия противопоставляет себя западным трактовкам истории, используя память как средство укрепления политической идентичности [7. С. 347-363].

Кейс: мягкая сила России в Африке. Стратегический контекст: почему Африка? С середины 2010-х годов Африка вновь стала ареной геополитического соперничества между Китаем, США, ЕС и Турцией. Для России континент представляет особый интерес как источник дипломатических ресурсов в многосторонних организациях (например, ООН, где африканские государства составляют значительную часть голосующего блока), а также как канал доступа к природным

ресурсам, особенно в ЦАР, Судане и Мали. Кроме того, Россия выстраивает военно-политическое сотрудничество с режимами, критично настроенными к западной повестке в сфере прав человека и управления, и использует африканское пространство для противодействия западному информационному влиянию и распространения собственных идеологических сообщений.

В отличие от советской эпохи, когда приоритетом была идеологическая солидарность с движениями за освобождение, современная стратегия опирается на гибкий набор инструментов – от военной помощи и медиа до образования и ценностных нарративов – при этом избегая глубокого уровня социальной вовлеченности [12. С. 401-405].

1. Медиа и информационная стратегия. Основой российской мягкой силы в Африке стали стратегические коммуникации, реализуемые через RT (включая франкоязычную RT Afrique), Sputnik и аффилированные онлайн-платформы. Эти медиа не столько продвигают российскую культуру, сколько формируют альтернативные нарративы с акцентом на антизападную риторику, идеи деколонизации и критику неоимпериализма. Такая подача находит отклик у постколониальных элит и общественных движений, особенно в странах с ярко выраженным скепсисом к Франции, США и Великобритании.

Кроме того, эти ресурсы предоставляют медиаплатформу местным головам, выступающим против западной внешней политики или поддерживающим идею многополярности, тем самым укрепляя образ России как союзника африканского суверенитета. Так, в Мали и Буркина-Фасо российские каналы изображают французское военное присутствие как проявление неокOLONIALИЗМА, противопоставляя ему «ненавязчивую» поддержку Москвы. Эта стратегия особенно эффективна в странах с высоким уровнем антиколониальных настроений [11. С. 11-19].

2. Культурная дипломатия и образование. Хотя культурное присутствие России в Африке значительно уступает советскому периоду, в последние годы предпринимаются попытки его возобновления. Россия ежегодно предоставляет государственные стипендии для африканских студентов, координируя образовательные обмены через Россотрудничество. Параллельно реализуются инициативы по открытию центров русского языка, особенно в франкоязычных странах, где Москва стремится предложить альтернативу традиционному франкофонному влиянию.

Важным активом остаются африканские выпускники советских вузов, многие из которых занимают высокие посты в политике и науке. Эти связи способствуют формированию устойчивых элитных сетей, воспринимаемых как естественные каналы влияния.

Тем не менее, культурная проекция России остается ограниченной. Русская литература, искусство и кино не приобрели массовой популярности, а проводимые мероприятия часто носят символический характер. Однако даже такие инициативы играют дипломатическую роль: они формируют образ России как дружелюбного, а не колониального партнера [1. С. 65-79].

3. Политическая и религиозная мягкая сила. В отличие от Европы и Балкан, где Россия активно использует религиозную дипломатию, в Африке влияние Русской православной церкви ограничено из-за слабого распространения восточного христианства. Вместо этого Россия делает ставку на ценностно ориентированную мягкую силу, выстраивая отношения с политическими элитами на основе принципов суверенитета и невмешательства.

Темы традиционных ценностей и критика либеральных подходов находят отклик у африканских лидеров, обеспокоенных давлением Запада по вопросам прав человека, ЛГБТК+ и демократизации. Россия, в отличие от западных партнеров, демонстрирует уважение к внутреннему курсу стран-партнеров и избегает публичных оценок, что усиливает доверие в условиях стратегического сотрудничества.

Этот подход особенно эффективен в государствах с централизованной властью или негативным опытом взаимодействия с донорами, сопровождаемого внешнеполитическими условиями. Нарратив России как сторонника многополярности и уважения к суверенитету находит отклик в африканском постколониальном контексте [15. С. 123-140].

4. Конференции, форумы и элитное взаимодействие. Одним из наиболее ярких проявлений символического расширения российской мягкой силы стал саммит «Россия – Африка», прошедший в Сочи в 2019 году с участием всех 54 африканских государств. Несмотря на его демонстративный характер, встреча имела важное значение: она обозначила Африку как приоритет внешней политики, обеспечила прямой доступ к лидерам без бюрократических барьеров, характерных для западных структур, и продемонстрировала готовность России вести диалог на равных.

Дополняют это направление мероприятия по образцу Валдайского клуба, включая встречи с африканскими интеллектуалами и журналистами. В них акцентируются темы многополярности, критики западного вмешательства и поддержки африканского суверенитета, что укрепляет образ России как центра альтернативного мирового порядка [5. С. 5-14].

Выводы. Российская модель мягкой силы отличается от западной ориентацией на альтернативность, суверенитет и стратегическое партнерство, а не на универсальные ценности и глобальную привлекательность. Она направлена не на массовое одобрение, а на выстраивание взаимопонимания в странах с историко-культурной близостью, предлагая альтернативные трактовки глобальных процессов.

На африканском направлении такой подход опирается на уважение суверенитета и прагматизм, отвечая интересам государств, стремящихся к диверсификации внешнеполитических связей. Мягкая сила России в этом контексте инструментальна: ее задача – укрепление доверия и координация интересов, а не эмоциональное вовлечение. Ее гибкость – от культурных программ до экспертного диалога – позволяет адаптироваться к изменяющейся международной обстановке.

Однако привязка к текущему политическому контексту и партнерствам делает такую модель уязвимой: изменения конъюнктуры требуют постоянной адаптации. Опыт в Африке показывает, что эффективность мягкой силы зависит от способности к стратегической гибкости и переосмыслению формата взаимодействия.

Таким образом, российская практика демонстрирует вариативный и контекстуальный подход к мягкой силе, ориентированный на расширение суверенного выбора и укрепление многополярности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алешковский И.А., Борисенко Е.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Москаленко Л.С., Савина Н.Е.** Продвижение русского языка и российского образования в Африке в новых реалиях // Век глобализации. 2024. № 2. DOI:10.30884/-vglob/2024.02.05.
2. **Агеева В.Д.** The Rise and Fall of Russia's Soft Power // Россия в глобальной политике [Russia in Global Affairs]. 2021. Т. 19. № 1. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-1-118-145.
3. **Андрienко О.** Rossotrudnichestvo as an instrument of soft power of the Russian Federation // Innovative Solutions in Modern Science. 2019. № 5 (32). DOI: 10.26886/2414-634X.5(32)2019.4.
4. **Голикова Т.** «Sovereignty» as a media cognitive category of modern political discourse // Научные исследования и разработки. Современные коммуникационные исследования [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies]. 2023. Т. 12. № 1. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-1-101-108.
5. **Константинова О.В.** Перспективы развития российско-африканского сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере // Journal of the Institute for African Studies. 2020. № 3. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-5-14.
6. **Косякина А.С.** Российский подход к концепции «мягкой силы» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 2. DOI: 10.20542/afij-2022-2-63-75.
7. **Сергунин А., Карабешкин Л.** Understanding Russia's Soft Power Strategy // Politics. 2015. Vol. 35. № 3-4. DOI: 10.1111/1467-9256.12109.
8. **Тренин Д.** Russia's Niche Soft Power: Sources, Targets and Channels of Influence. Париж: IFRI, 2024 // <https://www.ifri.org/en/papers/russias-niche-soft-power-sources-targets-and-channels-influence>.
9. **Blitt Robert C.** Religious Soft Power in Russian Foreign Policy: Constitutional Change and the Russian Orthodox Church (May 1, 2021). Berkley Center for Religion, Peace & World Affairs and Brookings Institution Project on Geopolitics of Religious Soft Power, University of Tennessee Legal Studies Research Paper No. 422 // <https://ssrn.com/abstract=4023702>.

10. **Bondarenko Oleksiy.** «‘RUSSKIJ MIR’, BETWEEN DIASPORA AND PUBLIC DIPLOMACY. RUSSIA’S Foothold IN CENTRAL ASIA» // *Il Politico*. 2016. Vol. 81. No. 3 (243). JSTOR // <http://www.jstor.org/stable/45426839>.
11. **Clifford C., Gruzd S.** Russian and African media: exercising soft power // *South African Institute of International Affairs Policy Insights*. 2022. № 125.
12. **Gruzd S., Ramani S., Clifford C.** Russia in Africa: Who is courting whom? // *South African Journal of International Affairs*. 2022. Vol. 29. No. 4. DOI: 10.1080/10220461.2022.2146184.
13. **Nye J.** *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Нью-Йорк: PublicAffairs, 2004.
14. **Tenneriello S.** Staging Sochi 2014: The Soft Power of Geocultural Politics in the Olympic Opening Ceremony // *Theatre Research International*. 2019. № 44 (1). doi:10.1017/S0307883318000822.
15. **Thiani E.** The Russian Orthodox Church in Africa – For Political or Ecclesial Reasons? // *Studies in World Christianity*. 2024. Vol. 30. № 2. DOI:10.3366/swc.2024.0473.

VIRGINIA MORENA GATTO

Master’s Degree in International Security

UNINT University, Rome, Italy

<https://orcid.org/0009-0004-5020-8173>

RUSSIAN SOFT POWER: STRATEGIES, TOOLS, AND GLOBAL IMPLICATIONS

This article examines the Russian model of soft power as a distinct alternative to traditional Western approaches. Unlike normative, value-based strategies, Russia’s model is rooted in historical legacy, strategic pragmatism, and ideological narratives centered on sovereignty, multipolarity, and resistance to Western dominance. The study traces the evolution of soft power in Russian discourse since the early 2000s, identifying key objectives such as shaping international opinion, reinforcing alliances, and expanding global presence. It analyzes core instruments including religious diplomacy (via the Russian Orthodox Church), cultural outreach (e.g., Rossotrudnichestvo), and international media channels. A case study on Africa highlights Russia’s use of anti-colonial rhetoric, educational exchanges, and political cooperation to expand influence. The article argues that Russia’s approach – reactive, flexible, and context-dependent – faces significant internal and external constraints, yet represents a notable example of non-Western influence amid global power shifts.

Key words: soft power, Russia, foreign policy, Africa, cultural diplomacy, media, religion, international relations.